

С.Б.Роцинский

«Русская философия» и «философия в России» (Вместо предисловия)

Русская философия. Отечественная философия. Философия в России... На первый взгляд, эти словосочетания полностью взаимозаменяемы. Однако это не совсем так. Во всяком случае, и сегодня, и в прежние времена существовала и продолжает существовать точка зрения, что только словосочетание «философия в России» правомерно, ибо собственно «русской философии» нет, так как она вся заимствована, представляет собой интерпретацию западных идей. На это обращал внимание В.В. Зеньковский: «Некоторые исследователи предпочитают говорить не о "русской философии", а о "философии в России", желая этим выразить ту мысль, что русская мысль не стала еще национальной, что в русских философских построениях нет ничего "специфически русского" ...»¹. Философ и историк философии Б.В. Яковенко, выражая позицию этих «некоторых исследователей», писал: «У нас нет и никогда не было в сфере философии в прямом смысле слова национальной, русской традиции...». Ибо русское философствование «несет на себе печать зависимости от исканий и достижений других эпох и народов»².

Однако существует иная точка зрения, и она, пожалуй, более авторитетна, нежели предыдущая. Очень многие видные и знатоки, и сами творцы отечественного любомудрия нисколько не сомневались в правомерности употребления понятия «русская философия». Один из них, А.Ф. Лосев, издал в 1919 году за границей большую статью под названием «Русская философия», где доказывал, что в России есть своя собственная философия, имеющая все основания для того, чтобы называться русской философией. В самобытной русской философии он видел содержательное дополнение к философии западной, поскольку, начиная со славянофилов, она углубленно занималась предметами, отличными от тех, которые составляли основное содержание европейской философии. Русская философия, по характеристике Лосева, представляет собой внутреннее, интуитивно-мистическое познание сущего, в то время как европейская, особенно немецкая философия стремится к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. «Основание западноевропейской философии – ratio. Русская философская мысль, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, ...кладет в основу всего Логос. Ratio есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен»³.

Эти два противоположных воззрения сопутствуют развитию отечественной философской мысли едва ли не с самого ее зарождения.

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л., 1991. С. 20.

² См.: Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003. С. 485.

³ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 215.

Просветительно-западническая ориентация исходит из представления о философии как о методологии и теории познания, из убеждения в непреходящей ценности рационального мышления, характерного для европейской философской культуры. Почвенническое, или православно-консервативное направление рассматривает философию в качестве выражения народного духа, связывая русскую философию прежде всего с православным вероисповеданием и характером русского народа, противопоставляя ее тем самым западной философии.

В современной философской литературе продолжают соперничать эти две ориентации. Старый спор продолжается новыми спорщиками.

Позицию современного воинствующего западничества особенно подчеркнуто и радикально заявлял Е.В. Барабанов. Две его статьи, опубликованные в журнале «Вопросы философии»⁴, посвящены, в сущности, одной и той же теме – отрицанию всяческой ценности отечественной «верующей» философии, представленной учениями славянофилов, Соловьева, Бердяева, Булгакова, Флоренского и многих других мыслителей. Е.В. Барабанов начисто отказывает этой традиции отечественной философии в праве называться философией вообще. «Русская религиозная философия, – пишет он, – ...передоверила свой разум авторитету ею же самой сконструированного православия (либо – "Вселенской церкви", как у Вл. Соловьева), в служанку которого она превратилась». И далее: «...В один ряд с именем Вл.С. Соловьева, конечно же, должны быть поставлены имена Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, Ф.И. Тютчева, Ю.Ф. Самарина, Ивана и Константина Аксаковых, И.В. Киреевского и, разумеется, П.Я. Чаадаева»⁵. Если назвать все имена, которые перечисляются в двух статьях данного автора, то за рамками этого перечня мало кто останется. Всю эту традицию автор считает архаизмом, возвращением в прошлое, повторением давно пройденного. Иными словами, русская философия представляется как некое историческое недоразумение, как славянофильски подкрашенная интерпретация того, что было проговорено много веков назад.

Среди радикальных защитников православно-почвеннической традиции русской философии особое место занимает петербургский ревнитель ее чистоты Н.П. Ильин (Мальчевский). Он не только решительно и бескомпромиссно критикует западные заимствования в отечественной мысли, ее материалистическую и рационалистическую ориентации, но и, что парадоксально, с патриотических позиций обосновывает вредность учений большинства тех философов, которых порицает Е.В. Барабанов. Под критический прицел Н.П. Ильина попадают Чаадаев, Соловьев, весь религиозно-философский ренессанс, а также и русская философская историография – Зеньковский, Лосский и др. Он считает, что именно «с легкой руки Вл.Соловьева» начался процесс деградации русской философии,

⁴ См.: *Барабанов Е.В.* «Русская идея» в эсхатологической перспективе // *Вопросы философии*, 1990. № 8; Его же: *Русская философия и кризис идентичности* // Там же, 1991. № 8).

⁵ *Вопросы философии*, 1990. № 8. С. 63.

который продолжался «в эпоху пресловутого ренессанса как его сознательными эпигонами, так и теми, кем просто владел тот же дух – чуждый духу русской национальной философии»⁶.

В советские времена существовал свой идеологически выверенный взгляд на то, что из себя представляет «русская философия», а что – «философия в России». В исследованиях и учебниках доказывалось, что русская философия – это исключительно материалистическая линия в ее развитии. Всё, что за ее пределами – это «философия в России». При этом ссылались на Д.И. Писарева, который как-то написал, что «ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный здоровый и свежий материализм»⁷. Русский материализм, представленный прежде всего именами Герцена, Чернышевского, Белинского и Добролюбова, назывался советскими философскими идеологами третьим типом домарксистского материализма (после античного и метафизического XVIII в.). Понимаемая таким образом русская философия рассматривалась телеологически – с точки зрения ее устремленности к диалектическому материализму. Представители всех остальных философских течений, прежде всего религиозного направления – или «реакционеры», или «противники», или «отступники», или «плоские эпигоны»... Огромный список имен оказался под запретом, а их книги были отправлены в специальные хранилища, доступ к которым был возможен только по специальным пропускам.

* * *

Видимо, прав был Николай Бердяев, утверждавший, что русскому сознанию свойственно мыслить крайностями. Или тезис, или антитезис. Примерно с таких позиций судил о взаимоотношениях между двумя рассматриваемыми позициями Г.В. Флоровский. «"Славянофильство" и "западничество", – писал он, – ...это не только и даже не столько две историко-политические идеологии, сколько два целостных и несводимых мировоззрения»⁸. Неужто и вправду – «несводимые»? Во всяком случае, С.С. Аверинцев, тоже очень тонкий и наблюдательный культуролог, был склонен расценивать отношение между этими позициями как их взаимодополнение, нерасторжимое единство. По его убеждению, «русская культура реально существует в противоречивом единстве обоих полюсов, обоих противоречий, которые друг друга предполагали, друг друга подталкивали..., друг в друга перетекали. Это значит, что у нас не получится с чистой совестью, без насильственного упрощения и обеднения своей же собственной умственной

⁶ Ильин (Мальчевский) Н.П. Трагедия русской философии». Ч. I. От личины к лицу. СПб., 2003. С. 13–14.

⁷ Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949. С. 74.

⁸ Флоровский Георгий, *прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 (репринт: Париж, 1937). С. 249.

жизни, попросту принять сторону тех или других, "быть" теми или другими»⁹.

И оба автора по-своему правы. Спорящие стороны никогда не приходили к согласию друг с другом в силу субъективного пристрастия своим убеждениям, и только в этом смысле, видимо, можно говорить об их «несводимости». Тогда как в объективном смысле эти две тенденции – устойчивости и изменчивости, приверженности «родному» и «вселенскому» – необходимо присущи любому развивающемуся социальному организму. И было бы несправедливым усматривать в этих ориентациях лишь умственные конструкции, произвольно выстроенные теории – мотивы их лежат куда глубже, коренятся в сферах подсознательного «оно» и прочно защищены от доводов оппонентов твердой скорлупой инстинкта.

Позицию, означающую примирение противоположностей и доказывающую их «сводимость», сформулировал в начале 80-х годов позапрошлого столетия Владимир Соловьев. «Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными силами, но для проявления их ей, во всяком случае, нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западной Европой»¹⁰. Так писал философ, до этого выражавший, в сущности, славянофильские взгляды.

Идею примирения национального и общечеловеческого Вл.Соловьев не только философски обосновывает на самых разных уровнях обобщения – от онтологического и гносеологического до этического и культурологического, но и последовательно реализует при построении своей философской системы. В философии всеединства русского мыслителя нашли отражение и получили своеобразную интерпретацию идеи практически всех значительных течений западной философской мысли, и не только Запада, но и Востока. Отбирая и интерпретируя лучшие достижения различных течений, Соловьев проявил гениальную способность интегрировать в единую, целостную систему самые, казалось бы, «несводимые» элементы. Как отмечал В.В. Зеньковский, «система Соловьева есть действительно опыт органического синтеза разнородных его идей... Соловьев впитал в себя влияние очень многих, притом различных мыслителей, – и у него это не помешало созданию подлинной системы»¹¹.

Этот универсализм философии Соловьева обуславливается, с одной стороны, общей доминантой всеединства, которая лежит в основе всех философских построений мыслителя и, с другой, логически вытекают из главного вывода его размышлений об исторических судьбах человечества, будущее которого он усматривал в органическом синтезе исторически сложившихся форм жизни, стилей мышления, типов культуры. Соловьев был убежден, что русская философия, сохраняя национальные черты, должна

⁹ Аверинцев С.С. Попытки объясниться. Беседы о культуре. М., 1988. С. 23.

¹⁰ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 262.

¹¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л., 1991. С. 22.

быть интегрирована во всечеловеческую культуру, синтезировав в себе положительные достижения мысли и Запада, и Востока. Подобную позицию занимали Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и другие последователи Вл.Соловьева, разделявшие его идеи всеединства и всечеловечества. «Быстросменному увлечению модными европейскими учениями должна быть противопоставлена традиция, традиция же должна быть и универсальной, и национальной, – тогда лишь она плодотворна для культуры»¹², – писал Бердяев сто лет назад.

Таким образом, кроме крайних взглядов, существует и примирительная точка зрения, рассматривающая отечественную философскую мысль в ее целостности, в подвижном единстве «своего» и «чужого». Современный исследователь А.А. Ермичев называет такую позицию «синтетической». Именно сочетание национального и мирового, по его мнению, дает в итоге такой феномен, как «русская философия»: «Русская философия – и та, которая развивалась "самобытно", и другая, работавшая в параметрах "европейской" рациональности – хорошо выучила уроки мировой мысли и представила основательные доказательства своей состоятельности»¹³.

Синтетическая позиция включает в состав русской философии не только те отдельные учения, в которых нашли примирение элементы «своего» и «чужого», но и, собственно, всю «философию в России» в лице ее лучших представителей. Эта позиция не отрицает ценности ни религиозно-самобытной, ни западной – рационалистической или материалистической – линии в отечественной философии. Вместе с тем, она выступает против всяческого настаивания на исключительности, тем более, превосходства любого из этих направлений. Иными словами, она не признает крайностей никакой из этих ориентаций и настаивает на том, что и та, и другая традиции входят в состав русской философии. Которая, как отмечал один из видных представителей «синтетической» позиции А.И. Володин, «есть органическая составная часть мировой, по крайней мере, общеевропейской философии; ее особенность ни в коем случае не состоит в ее так называемой самобытности, понимаемой как приверженность православной религии и государственному менталитету русского народа. Это не означает отрицания того, что многие русские мыслители выступали как провозвестники, апологеты, "классики" русской философии именно как православно-религиозной»¹⁴.

И, что важно отметить, именно взаимодействие этих противоположных тенденций обуславливало развитие, прогресс нашей отечественной философии. С одной стороны – интеграция, взаимообогащение идей, с

¹² Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990 (репринтное изд. 1909 г.). С. 23.

¹³ Ермичев А.А. Русская философия как целое: Опыт историко-систематического построения. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб., 1998. С. 44–45.

¹⁴ Володин А.И. История отечественной философии с субъективной точки зрения. (Критико-публицистические выступления. 1962–2002). М., 2003. С. 7.

другой – стремление к опровержению, взаимная критика. Благодаря такому взаимодействию достигалось качественное приращение знания, которое было бы невозможным, если бы нашей национальной философской школе пришлось бы без конца производить идеи из самой себя. Порождающая «себя-из-себя» идея показала предел своих возможностей при попытке абсолютизации диалектического и исторического материализма.

* * *

Собранные в данной книге статьи и очерки представляют религиозную философскую мысль России именно с точки зрения «синтетического» к ней подхода. Те мыслители, о которые здесь идет речь, являются, может быть, самыми оригинальными в нашей отечественной философии, и, в то же время, в их учениях можно найти следы различных заимствований и влияний. И в этом нет никакого противоречия, потому что исключительная уникальность не была свойственна ни одной настоящей философской школе. Оригинальность не исключает, а, напротив, предполагает наличие преемственности в развитии философских идей, убедительным примером чему служит классическая немецкая философия, в особенности философия Гегеля, интегрировавшая в себе очень многое из предшествующего идейного наследия, начиная с Гераклита. Известно, что европейская мысль в отношении форм и методов познания в силу исторических обстоятельств была впереди. Если же говорить о немецкой классике, то это была вершина мировой философии, и она оказывала влияние на развитие национальной философской мысли не только в России, но и в других странах Европы. Преемственность, впрочем, может быть как положительной, так и отрицательной. Подобно тому, как Аристотель, критикуя Платона и других предшественников, в своих метафизических построениях базировался на их идеях, так и русские славянофилы, предъявляя самые серьезные претензии к западной философии, в сущности, находились в русле ее идей.

В подборке материалов сборника акцент сделан на социально-гуманитарной проблематике в учениях философов. Именно в этой части отечественного творческого наследия содержится немало идей, необычайно актуальных для осмысления процессов и явлений, происходящих в современной России и во всем мире. Значительное место в сборнике отводится анализу творчества Вл.Соловьева, что объясняется значимостью роли этого выдающегося мыслителя в истории отечественной философии, положившего, в сущности, начало полноценной и плодотворной интеграции в мировую мысль русской философии, прежде всего ее этико-гуманистических идей. Несомненной заслугой Вл.Соловьева является то, что в его философской системе получили фундаментальное обоснование актуальные в последнее время идеи целостности и взаимозависимости мира, диалога культур, неконфронтационного сосуществования государств, взаимопонимания людей и народов в составе единого человечества. Все это делает философию русского мыслителя поразительно созвучной вызовам нынешней действительности, в масштабе как России, так и всего мира.

Помещенные в книге статьи и очерки, написанные в разное время, не претендуют, разумеется, на хотя бы относительную полноту раскрытия темы «Русская религиозная философия: национальное и всечеловеческое». Однако публикуемые отдельные сюжеты, по мнению автора, являются в известной мере репрезентативными как плане выбора имен, так и в смысле содержательного представления данной темы. Основывая анализ творчества русских мыслителей на конкретном источниковом материале, автор, тем не менее, попытался дать собственное видение содержания и значения их вклада в отечественную и мировую философскую мысль.